Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/BUIWJX
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)52

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ Л.Н. ТОЛСТОГО: ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

 М.И. Щербакова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 21 июня 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 03 октября 2021 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173

Аннотация: В статье предпринят анализ Севастопольских рассказов Л.Н. Толстого, дополненный впервые вводимыми в научный оборот архивными источниками — письмами к архиепископу Иннокентию (Борисову) крымских монахов и белого духовенства. Раскрыты причины, по которым Крымская война, по мнению одних, обернулась для России поражением, а по глубокому убеждению других, явила победу несокрушимого русского духа. Показано, как в Севастопольских рассказах гением Толстого воссоздана психологическая картина Крымской войны, ясно обозначены ее духовные смыслы; как художественная, образная система толстовского повествования выстроена в межполярном пространстве: мир и война, вечное и сиюминутное, Божеское и человеческое. Правда — главный герой Севастопольских рассказов — явлена в них во всем многообразии художественных приемов Толстого, происхождение которых обнаруживается в реальной жизни; созданная писателем собственная неповторимая система нравственных оценок получила дальнейшее развитие в романе «Война и мир». Обозначены параллели между Крымской войной и Отечественной 1812 г. — как в исторической памяти, так и в творчестве Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Севастопольские рассказы, Крымская война, архиепископ Иннокентий (Борисов), история России.

Информация об авторе: Марина Ивановна Щербакова — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6705-8707

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Для цитирования: *Щербакова М.И.* Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого: духовные смыслы Крымской войны // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 162–173. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

LEO TOLSTOY'S SEVASTOPOL STORIES: SPIRITUAL MEANINGS OF THE CRIMEAN WAR

© 2022. Marina I. Shcherbakova
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: June 21, 2021
Approved after reviewing: October 03, 2021
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article examines L.N. Tolstoy's Sevastopol stories. The analysis is provided with hitherto unpublished archival sources, namely letters to Archbishop Innokenty (Borisov) of Crimean monks and white clergy. The study reveals the reasons why the Crimean War, according to some, turned out to be a defeat for Russia, and according to others, it was the victory of the indestructible Russian spirit. The author shows how Tolstoy recreated the psychological picture of the Crimean War in the Sevastopol stories, clearly outlined its spiritual meanings; and how an artistic, imaginative system of Tolstoy's narrative is built in an interpolar space: peace and war, eternal and momentary, divine and human. Truth is the protagonist of the Sevastopol stories, and it is revealed in them in all the variety of Tolstoy's artistic techniques, the origin of which lies in real life. Tolstoy's own unique system of moral assessments was further developed in the novel "War and Peace." The author of the article outlines parallels between the Crimean War and the Patriotic War of 1812 — both in historical memory and in the work of Tolstoy.

Keywords: L.N. Tolstoy, Sevastopol stories, Crimean war, Archbishop Innokenty (Borisov), history of Russia.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6705-8707

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

For citation: Shcherbakova, M.I. "Leo Tolstoy's Sevastopol Stories: Spiritual Meanings of the Crimean War." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 162–173. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173

Крымская, или Восточная, война 1853–1856 гг. — одно из центральных событий истории XIX в. Отнесенная официальной наукой к региональным, Крымская война вызывает разноречивые оценки как кампания, в которой, по мнению одних, Россия потерпела поражение, а по глубокому убеждению других, явила победу несокрушимого русского духа.

В русской и мировой литературе главным художественным шедевром, посвященным Крымской войне, стали Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 г.». Гений Л.Н. Толстого, недавно и ярко заявивший о себе повестями «Детство» и «Отрочество», рассказами «Набег» и «Записки маркера», в панораме осажденного Севастополя раскрыл себя с новой силой, описав все «безжалостно-честно», по словам А.Ф. Писемского [9, с. 82].

Хорошо известны финальные слова второго рассказа — «Севастополь в мае»: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» [10, с. 130]. Здесь Л.Н. Толстой говорит, конечно же, о художественной правде.

О достоверности исторических документов, на которые преимущественно опирается наука, Л.Н. Толстому также довелось узнать не понаслышке — когда по поручению начальника штаба артиллерии генерала Н.А. Крыжановского он составлял «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками». «Это был лучший образец той наивной, необходимой военной лжи, из которой составляются описания, — вспоминал Толстой позднее. — Я полагаю, что многие из тех товарищей

моих, которые составляли тогда эти донесения, прочтя эти строки, посмеются воспоминанию о том, как они, по приказанию начальства, писали то, чего не могли знать. Все, испытавшие войну, знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составления реляций и донесений, исполняют большей частью наши инородцы» [10, с. 461–462].

Неудивительно, что в официальной истории духовная подоплека Крымской войны не была обозначена. Понятно, что в основании цивилизационного кризиса, о котором говорят ученые, лежало глубинное духовное противостояние, и Россия должна была найти свой правильный путь: «Возникший цивилизационный кризис породил новые попытки создания национальной идентичности, но теперь уже на другом базисе — России как не-Европы» [3, с. 288]. Именно духовная брань католического мира с православной Россией лежит в основе войн и военных конфликтов Новейшего времени и находится в одной цепи с конфессиональными столкновениями за святыни Ближнего Востока. Яркое подтверждение тому — бомбардировка Одессы в Страстную Субботу в апреле 1854 г., когда в храмах города служили Пасхальную заутреню. Перед блокадой Севастополя, как вспоминает очевидец, приезжал парламентер от союзников и говорил, «чтобы на церквах и госпиталях выставлены были белые флаги, и что они туда стрелять не будут: в некоторых это сделано было, а неприятель стал исключительно стрелять на места те» [7, л. 243]. По другим свидетельствам, в стене Анкерманской церкви, при входе завязла бомба — «повыше белого флага <...>. Это было 10 октября в 9 часов утра в воскресный день во время отправления Божественной Литургии» [8, л. 83 об.].

Недоумение простых русских моряков и солдат вызывал тот факт, что французы, действовавшие в коалиции с англичанами и турками, были христианами. Протоиерей Арсений Лебединцев, благочинный Севастопольского округа, вспоминал, как в осажденном Севастополе его спрашивал раненый русский матрос, лежавший рядом с раненым французом: «Батюшка! француз — яка то вира?» «Отвечаю: французы христиане, католики. — “Яки ж воны христианы? Я б его повисыв”. Как можно так говорить, когда у него нет оружия в руках, и он, как и ты, без ноги. “Ей Богу, повисыв бы”» [7, л. 364 об.].

Сохранился, но не введен до сих пор в научный оборот обширный пласт источников, относящихся к периоду Крымской войны. Это письма крымских монахов и белого духовенства к архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию (Борисову). Выдержки из них были приведены выше. Незадолго до начала войны в епархии началось создание Русского Афона, крымского иноческого братства. Обустраивались Успенский скит и киновии. В годы войны работа продолжалась. Духовенство до последней возможности оставалось на местах своего служения, регулярно отправляя письма и донесения преосвященному о состоянии дел. В них множество свидетельств подвига русского народа, его духовной стойкости, глубокой веры, самоотверженного патриотизма. «Вообще служением на этом поприще я очень доволен: чувствую, что оно наполняет пустоту собственной моей души», — писал Лебединцев [7, л. 364 об.].

В Севастопольских рассказах художественным гением Л.Н. Толстого воссоздана психологическая картина Крымской войны и ясно обозначены ее духовные смыслы. В незамысловатых, не всегда грамотных посланиях крымских монахов и священников духовная суть происходившего на Крымском полуострове явлена с пониманием его конфессиональной подоплеки.

О достоинствах Севастопольских рассказов одним из первых написал Н.А. Некрасов: «Меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных заметок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове, — вот достоинства повести» [6, с. 203–205]. Сказанное о «Севастополе в августе 1855 года» можно уверенно отнести ко всем трем рассказам, в которых очевиден поэтический и философский контур будущего романа «Война и мир».

Спустя шесть месяцев «с тех пор, как просвистало первое ядро с бастионов Севастополя» стало очевидно, что «вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью» [10, с. 94]. «Последние дни обреченного Севастополя высветили особенно ярко подлинную суть неудачной для России, но все-таки национальной войны с ее духовной собранностью, колоссальным напряжением сил, твердым, выходящим за пре-

делы возможного будничным героизмом» [1, с. 1031]. Кем и как решается нерешенный дипломатами вопрос и все другие вопросы, в Севастопольских рассказах уже обозначено.

Вся художественная и образная система Севастопольских рассказов выстроена в межполярном пространстве: мир и война, вечное и сиюминутное, Божеское и человеческое.

Картиной мироздания, Божьего мира начинается и завершается рассказ «Севастополь в декабре месяце». На фоне этой картины утра и начинающейся дневной жизни первым делом возникал обобщенный образ солдата, который «вылез из землянки, моет оледенелой водой загорелое лицо и, оборотясь на зардевшийся восток, быстро крестясь, молится Богу» [10, с. 81]. «Для повествователя это всего лишь одна из деталей, примет быта города, наряду со сменой часовых, спешащим к госпиталю доктором, “окровавленными покойниками”, дровами, мясом, мукой, железом, кучей лежащих около пристани и т. п. Но пристальный взгляд художника, почти помимо воли повествователя, не мог не отметить той глубинной потребности в Боге, которая присуща русскому человеку», — отмечает В.В. Курьянова [2, с. 43].

В «Севастополе в мае» «светлое весеннее солнце <…> одинаково радостно светя для всех <…> спускалось к далекому синему морю, которое, мерно колыхаясь, светилось серебряным блеском» [10, с. 95]. С тем же морем, но «в зыбливую мрачную ночь» в финале рассказа «Севастополь в августе 1855 года» дано сравнение севастопольского войска, которое «сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой темноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью; от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага и которое теперь велено было оставить без боя. <…> Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился» [10, с. 181].

Божеское и человеческое во всей их полярности очерчены в рассказе «Севастополь в мае», когда перед лицом смерти предстали двое — Праскухин и Михайлов. Легко камнем в голову ранен Михайлов, мысленно твердивший: «Да будет воля Твоя! <…> Господи, прости мои согрешения!» [10, с. 120–121]. Как разбойник на кресте, он был услышан, хотя еще недавно ему «совест-

но было перед своим человеком громко молиться Богу» [10, с. 102]. И убит Праскухин, у которого в сознании промелькнул «целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний» [10, с. 119]. Двенадцать рублей долга Михайлову, еще «один долг в Петербурге, который давно надо было заплатить; цыганский мотив <…> женщина, которую он любил <…> человек, которым он был оскорблен пять лет тому назад и которому не отплатил за оскорбленье» [10, с. 119] — все это заполняло, в той или иной форме, жизнь и других штабных офицеров, тронутых «особенной болезнью нашего века» — тщеславием. «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде — даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения» [10, с. 99].

Пример такого тщеславного высокомерия к окружающим встречаем в воспоминаниях сослуживца Л.Н. Толстого офицера Н.С. Милошевича о генерале Д.Е. Остен-Сакене: будто никто и не подозревал бы о его существовании, ибо «на бастионы показывался не более четырех раз во все время, и то в менее опасные места, а внутренняя его жизнь заключалась в чтении акафистов, в слушании обеден и в беседах с попами» [4, с. 191]. Игумен Успенского скита о. Николай точно подметил, наблюдая офицеров, приезжавших почти ежедневно помолиться Царице Небесной, что генерал, «давно жданный и обожаемый русскими воинами» [8, л. 210 об.], был «в мирное время весьма тяжел для господ офицеров; зато в военное время прекрасный командир: с ним не страшно идти на неприятеля, ибо весьма уверен всяк, что он ошибки не даст» [8, л. 157 об.]. Источник такой надежности Остен-Сакена объяснен в письме протоиерея Арсения Лебединцева: «Достойна примечания благочестивая тактика Сакена при всех подобных предприятиях. Отдав, напр., приказание на таком-то пункте поставить батарею, тотчас служит молебен и просит Божия благословения. По успешном окончании, немедля посылает за священником и Бога благодарит. Это я знаю от полкового священника, который, квартируя чрез дорогу от Сакена, постоянно занимается у него служением» [8, л. 450 об.]. За девять дней до оставления русской армией Севастополя Лебединцев застал графа Сакена слушающим всеночную дома: «Он не здоров и пожелал говеть. Думаю, что он христиански приготовляется к решительной минуте, которая ожидает нас» [8, л. 450 об.]. Это было 19 августа 1855 г. Так на пересечении нескольких источников воссоздается облик исторического лица, приближенный к его подлинному духовному портрету.

2 ноября 1854 г. (за пять дней до прибытия в Севастополь Толстого) протоиерей Лебединцев передал в письме к архиепископу Иннокентию общий религиозный настрой русских воинов: «Благодарение Богу, Севастополь стоит. Уже исполнилось 28 дней беспримерного бомбардирования. Мужественным защитникам, оставшимся в живых, уже без представлений по ясному статуту следуют Георгиевские кресты. Но не об наградах теперь думают сами достойные наград. У всех одно чувство, что нас защищает Господь, и одно желание — продолжение сей великой милости. Удивительное в этом отношении теперь единомыслие. Благодарение Богу, оно ведет всех к усердной молитве и твердой надежде, что Бог нас не оставит» [8, л. 122].

Правда — главный герой Севастопольских рассказов — явлена в них во всем многообразии художественных приемов, происхождение которых следует искать в реальной жизни. Улавливая растворенные в ней образы, Толстой создавал собственную неповторимую систему нравственных оценок, в полной мере сформировавшуюся в «Войне и мире». Так, князь Гальцин не верит, «чтобы люди в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками могли бы быть храбры» [10, с. 104]. Не во множестве траверсов, брустверов, траншей, орудий залог победы русского войска, а «в глазах, речах, приемах, в том, что называется *духом* защитников Севастополя» [10, с. 92]. Французский язык — этот пропуск в аристократический круг — меркнет перед народной солдатской речью, особенно Васина, которую сразу отметил в Севастопольских рассказах Ф.И. Тютчев. Фальшь, как бы тщательно она ни пряталась под мнимым благочестием, непременно проявит себя; а чистота души обернется состраданием даже к врагу.

Письма крымских священников знакомят с той живой жизнью, из которой вырастали толстовские образы. Севастопольский протоиерей Арсений Лебединцев, ставший духовником Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, описал такой случай, бывший до приезда сестер в Крым. «Три чисто светские дамы, у которых достало геройства не бежать из Севастополя, являлись по временам для услуг раненым на перевязочном пункте. Но вот какая история случилась с их патриотизмом. За недостатком рук, раненые ожидали для перевязки очереди. Один матрос уже был близок к этой счастливой минуте, как вдруг вносят раненого француза. Наши сестры все три разом бросаются с французским блеяньем к французу, оставив своего.

Матрос разразился гневом и посыпал вслух всех самою красною русскою бранью; наши незваные сестры бросили тогда и француза, с которым, вероятно, хотелось поболтать, и больше не являлись в госпиталь, оставив и Севастополь» [5, с. 11–12].

Игумен Успенского скита о. Николай оказался свидетелем такой сцены: «Французскому офицеру (коих прежде возили, но теперь в одном ряду идут и одну кашу едят), путешествующему во фланелевых полусапожках, почти изорванных и овчинкою икры обернуты, коих султан наслал довольное число для теплой обуви, наш офицер лабораторной роты дал ему на сапоги 6 руб. сереб., за каковое подаяние (без фонаберии, свойственной французам) поклон был чуть не до земли; к этому времени подошел солдатик с сапогами еще новыми с довольно длинными голенищами; француз дал солдатику 6 руб., а сапоги не мешкая надел, свои же ботинки забросил далеко с бранью, и осматривая, чуть не подскочил от радости; солдатик видя, что деньги лишние даны, 3 руб. возвратил французскому офицеру, который очень низко поклонился с выражением благодарности; при этом солдатик гордо сказал, не кланяйся мне, а поклонись Богу Милосердному, басурмане; когда же ему напомнили, что и он христианин, то солдат гневно отвечал: какие они христиане, за басурман воюют, так они хуже даже басурман, и, осердясь, ушел» [8, л. 208–208 об.]. Когда 3 января 1855 г. через Симферополь провели до ста душ пленных, «изморенных, измученных, почти голых и босых, — свидетельствовал тот же игумен Николай, — наши солдатики с заметным сожалением смотрят на нищенское одеяние воинов, ибо дают им шинели и сапоги с разными прибаутками, презанимательными и остроумными» [8, л. 208–208 об.].

Через десятилетие, дополнив мемуарные источники, эти крымские впечатления переплавились в «Войне и мире» в слова Кутузова о пленных: «Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?»

Возникающие параллели между Крымской войной и Отечественной 1812 г. не случайны. В незавершенной главе X «Евгения Онегина» А.С. Пушкин наметил четыре составляющие победы русского оружия над Наполеоном: «...остервенение народа, Барклай, зима иль Русский Бог». Святое заступничество видели и защитники Крыма. Игумен Василий (Юдин), описывая сильный шторм, случившийся 2 ноября 1854 г. и разметавший вра-

жеский флот, заключил о судьбе коалиции: «Им здесь несдобровать: они идут против Промысла Божия! И если не наше воинство, то Сила Божия бурями, снегами, метелями, гололедами и другими средствами, Ей одной ответственными, сотрет выю их» [8, л. 139].

В историю Британии, Франции и Турции Крымская война вписала постыдные страницы: гибель под Балаклавой цвета молодой британской аристократии; безуспешная одиннадцатимесячная осада Севастополя троекратно превосходящими силами; победа над турками адмирала Нахимова в бухте Синоп. Эти блестящие и другие победы русского оружия в 1853–1856 гг. над сильнейшими армиями мира, так и не добившимися своей цели, делают честь России, пережившей тяжелые поражениях в сухопутных битвах при Альме, Инкермане, Черной речке.

Покинутый Севастополь, как и сожженная в 1812 г. Москва, — это искупительные жертвы ради будущего Державы. Осознание этого сформулировано в одном из крымских писем: «Севастополь еще не Россия, а враги, некогда, и Москву брали, да мало взяли» [8, л. 510 об.]. Неоставленность России была явлена во время водосвятия на Богоявление (Крещение Господне) 1855 г. На Иордан, устроенный на Екатерининской пристани Севастополя, слетел орел и оставался на виду у всех присутствовавших вплоть до слов праздничного тропаря: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи».

Список литературы

Исследования

1 *Гулин А.В.* Духовно-нравственные воззрения Л.Н. Толстого в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» // Конференциум АСОУ: сб. науч. тр. и материалов научно-практических конференций. 2015. № 4. С. 1029–1038.

2 *Курьянова В.В.* Крымский текст в творчестве Л.Н. Толстого. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 220 с.

3 *Панченко А.Б.* От национального унижения к национальному самосознанию: формирование российской идентичности от Крымской войны до Берлинского конгресса // Псковский военно-исторический вестник. 2018. № 4. С. 286–291.

4 *Тарле Е.В.* Крымская война. М.: Военно-морское изд-во, 1943. Т. 2. 662 с.

Источники

5 Киевская старина. Т. LII. 1896. С. 11–12.

6 *Некрасов Н.А.* Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года // Современник. 1856. № 2. Отд. V. С. 201–223.

7 ОР РНБ. Ф. 313. Ед. хр. 36.

8 ОР РНБ. Ф. 313. Ед. хр. 44.

9 *Писемский А.Ф.* Материалы и исследования. Письма. Л.; М.: АН СССР, 1936. 925 с.

10 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2002. Т. 2: Художественные произведения. 600 с.

References

1 Gulin, A.V. “Dukhovno-nravstvennye vozzreniia L.N. Tolstogo v rasskaze ‘Sevastopol’ v avguste 1855 goda’.” [“Spiritual and Moral Views of L.N. Tolstoy in the Story ‘Sevastopol in August 1855’.”] *Konferentsium ASOU: Sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii* [*ASOU Conference: Collection of Scientific Papers and Materials of Scientific and Practical Conferences*], no. 4, 2015, pp. 1029–1038. (In Russ.)

2 Kur’ianova, V.V. *Krymskii tekst v tvorchestve L.N. Tolstogo* [*Crimean Text in the Works of L.N. Tolstoy*]. Simferopol’, Biznes-Inform Publ., 2015. 220 p. (In Russ.)

3 Panchenko, A.B. “Ot natsional’nogo unizheniia k natsional’nomu samosoznaniiu: formirovanie rossiiskoi identichnosti ot Krymskoi voiny do Berlinskogo kongressa” [“From National Humiliation to National Identity: the Formation of Russian Identity from the Crimean War to the Berlin Congress”]. *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*, no. 4, 2018, pp. 286–291. (In Russ.)

4 Tarle, E.V. *Krymskaia voina* [*Crimean War*], vol. 2. Moscow, Voenno-morskoie izdatelstvo Publ., 1942. 662 p. (In Russ.)